

ТРАГЕДИЯ ГЕНИЯ. История болезни Рудольфа Нуриева

"Как хорошо быть живым!" - эти слова стали лейтмотивом последних месяцев, да что там - последних лет жизни Рудольфа Нуриева. Их донес до нас личный врач великого танцора Мишель Канези. Долго, очень долго лишь он знал о том, что было неведомо публике до самой смерти артиста: организм Нуриева боролся с вирусом СПИДа целых 14 лет.

ДОКТОР Канези впервые раскрыл рот в прошлом году. От него ждали баек из интимной жизни гения и перемывания грязного белья. Зря. Получилась повесть о неизлечимо больном мужественном человеке, о том, как он жил и творил.

Впервые врач и пациент встретились в 1983 г. Канези, врач-дерматолог, осматривал тогда русского танцора в составе консилиума. Проверить артиста на СПИД никто не догадался - тогда, более 10 лет назад, СПИД был экзотической болезнью откровенных гомосексуалистов и наркоманов. Широкая общественность еще ничего не знала о нем, а "чумой XX века" по старинке именовались сердечно-сосудистые заболевания.

Год спустя Нуриев возглавил парижский балет. В ходе обязательного при приеме на работу медицинского обследования у него взяли анализ крови. В крови был обнаружен вирус иммунодефицита человека. Это был СПИД, и тесты показали, что болезнь развивалась в организме более 4 лет. Кто-то (кто именно - так и осталось неизвестным) инфицировал Нуриева уже на Западе. Иногда за свободу приходится платить и такой ценой...

Нуриев был не слишком обеспокоен новым приобретением. Правда, по настоянию Мишеля Канези, ставшего к тому времени личным врачом Нуриева, он все-таки начал курс экспериментального лечения.

Но не закончил: через 4 месяца, сославшись на напряженную работу, Нуриев отказался от инъекций. Работа и вправду была тяжелой - Нуриев танцевал каждый вечер, упивался работой. Он был счастлив и почти забыл о СПИДе. Но СПИД не забыл про него. В 1988 году Нуриев попросил провести курс лечения еще одним экспериментальным препаратом - азидотимидином (АЗТ). Доктор согласился.

Вскоре Канези встретился с Нуриевым. Танцор принял своего врача в гостиничном номере, где все столы и стулья были буквально завалены упаковками азидотимидина. Ни одна из них не была распечатана... Было это проявлением артистической беспечности, надеждой на "русский авось"? Или Рудольф Нуриев уже тогда твердо знал, что обречен, и хладнокровно решил посвятить отпущенное ему время не скорбной больничной койке, а высокому искусству? Скорее, последнее. "Создавалось впечатление, - вспоминал потом доктор Канези, - что он хочет умереть на сцене".

Первый серьезный удар болезнь нанесла Нуриеву из-за угла - в 1989 г. иммиграционные власти США категорически потребовали от него медицинского освидетельствования, а Нуриеву позарез надо было попасть в Штаты для участия в постановке балета "Король и я". Болезнь начала мешать работе, а этого танцор, видимо, боялся больше всего на свете.

Физическое угасание артиста началось летом 1991 г. Конечная и самая страшная фаза болезни наступила весной следующего года. Совсем плохо стало в России, в Санкт-Петербурге, но он решительно отказался отменить запланированное выступление в Ялте.

По возвращении во Францию Нуриева срочно уложили в госпиталь. Казалось, наступает конец. "Жизни в его теле к тому моменту почти не осталось", - вспоминал Мишель Канези. Единственное, что его поддерживало - страстное желание не умереть, прежде чем будет осуществлена мечта всей его жизни - постановка "Ромео и Джульетты". И чудо свершилось: вскоре он уже руководил репетициями. Увы, ремиссия была кратковременной, и летом пришлось взять тайм-аут и уехать из Франции на отдых.

Подобно Наполеону, Нуриев вернулся в Париж 3 сентября, чтобы провести в этом городе свои последние сто дней. Ему вновь требовалось лечение в стационаре. "На этот раз - конец"? - постоянно спрашивал он своего врача, и ... вновь сбегал на репетиции.

20 ноября последовал коллапс. По свидетельству доктора Канези, который неотлучно находился у кровати Нуриева, он умер тихо, без страданий. Его лицо было спокойным и даже прекрасным...